

Жилая архитектура ленинградского конструктивизма – здания и графические памятники ¹

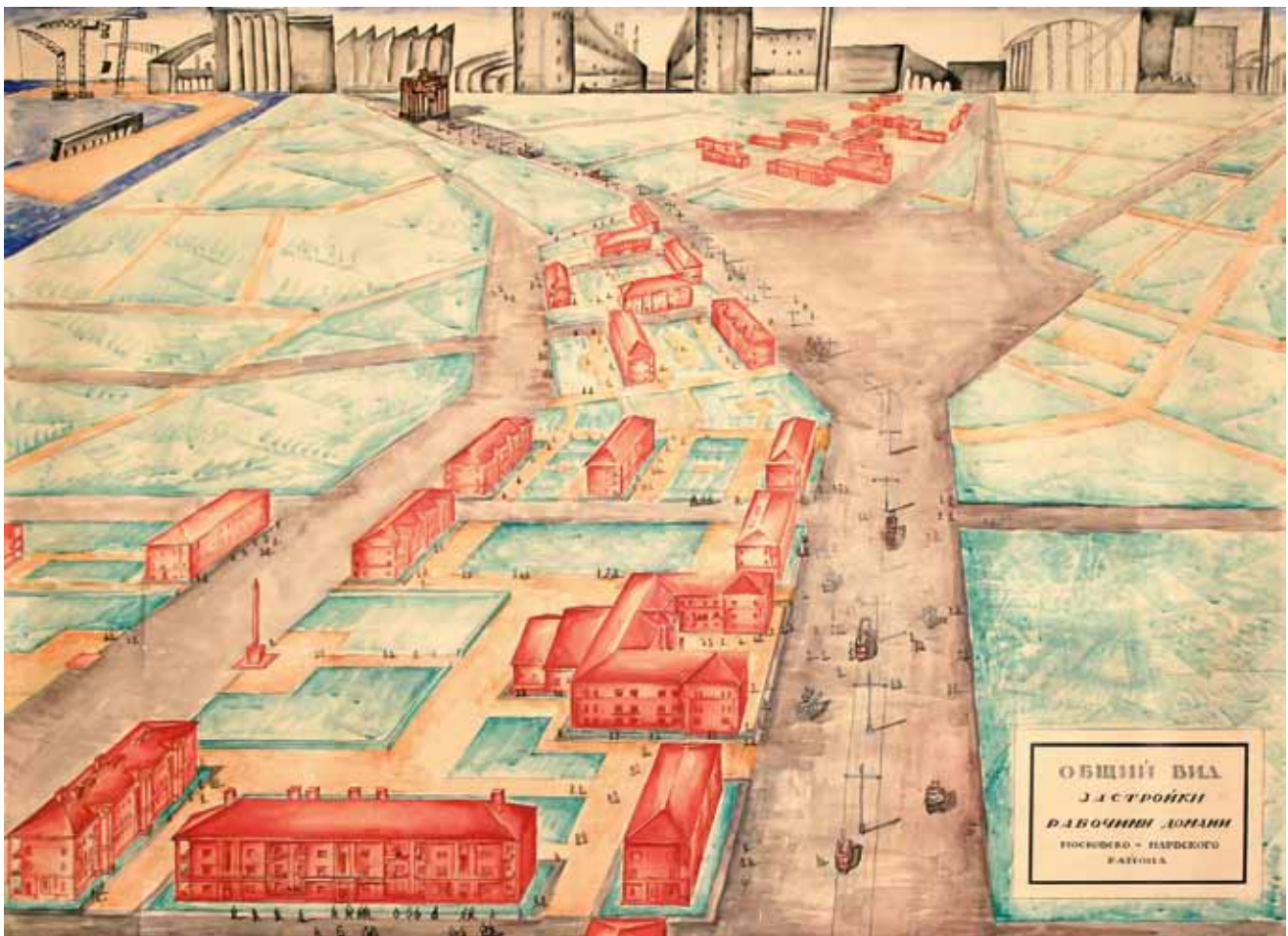
Мария Макогонова

Ленинградский конструктивизм оставил после себя сравнительно небольшое количество архитектурных памятников, но и они изучены весьма поверхностно. Долгое время это наследие находилось в забвении, но отношение к нему постепенно начинает меняться. Тем более актуальным является сегодня изучение и введение в самый широкий оборот графического наследия эпохи конструктивизма, помогающего воссоздать целостную картину архитектурной жизни

часть из них составляют проекты жилищного строительства.

Строительная практика и архитектурные конкурсы второй половины 1920-х

В 1925 в Ленинграде началась реконструкция рабочих окраин. Основное внимание при этом уделялось жилищ-

Ной Троцкий, Михаил Рейзман, Владимир Ходов. Конкурсный проект застройки Крыловского и Серафимовского участков в Московско-Нарвском районе Ленинграда. 1925. Не реализован.

Noj Trockij, Michail Rejzman, Vladimir Chodov. Wettbewerbsprojekt für Bebauung des Krylovskij und Serafimovskij Gebiets im Moskovsko-Narvskij Rayon in Leningrad. 1925. Nicht realisiert.

Ленинграда и реальной строительной практики второй половины 1920–начала 1930-х. Именно с этой целью музей истории С.-Петербурга в настоящее время издает иллюстрированный каталог своей коллекции чертежей эпохи конструктивизма, дополненный малоизвестными фотографиями памятников. Это собрание начало формироваться в 1920-е и в настоящее время насчитывает около полутора тысяч листов. Значительную

ному строительству. Первые эксперименты по созданию дешевого и комфортного рабочего жилья относятся к 1925–1926, когда в Володарском и Московско-Нарвском районах началось сооружение новых жилых массивов. Строительству предшествовал конкурс «на составление проектов новых типов жилых домов», объявленный 24 января 1925 Комитетом содействия кооперативному рабочему строительству. На конкурс было подано 28

Застройка Серафимовского участка (1925–1928. Архитекторы Александр Гегелло, Александр Никольский, Григорий Симонов). Фотография 1935.

Bebauung des „Serafimovskij učastok“ (Grundstück „Serafimov“) (1925–28. Architekten: Aleksandr Gegello, Aleksandr Nikol'skij, Grigorij Simonov). Foto: 1935.

Генеральный план застройки жилого массива завода «Большевик». Около 1930.

Bebauungsplan für die Wohnanlage des Betriebs „Bol'shevik“. Um 1930.

Жилой массив завода «Большевик» (1926–1934. Архитекторы Григорий Симонов, Иван Безруков, Тамара Каценеленбоген, Лев Тверской при участии Люси Акоповой). Фото 1934.

Siedlung des Betriebs „Bol'shevik“ (1926–34. Architekten: Grigorij Simonov, Ivan Bezrukov, Tamara Kacenenelbogen, Lev Tverskoj unter Mitarbeit von Ljusi Akopova). Foto von 1934.

проектов, но, по мнению жюри, среди них не оказалось ни одного «безукоризненного решения». К осуществлению были приняты проекты, разработанные одновременно с проведением конкурса и по той же программе в Проектном бюро Стройкома (Комитет по строительству рабочих жилищ) А. Гегелло, А. Никольским, Г. Симоновым (застройка Тракторной улицы (1925–1927) и Серафимовский жилой массив на проспекте Стачек (1925–1928), Д. Бурьшкиным и Л. Тверским (жилой массив на улице Ткачей (1926–1929), а также А. Зазерским, И. Безруковым и Н. Рыбиным (Палевский жилой массив на проспекте Елизарова (1925–1928) в Отделе нового строительства Ленинградского союза жилищных кооперативных товариществ.

Конкурс 1925 года достаточно известен, а его материалы – неосуществленные И. Лангбарда (совместно с С. Турковским), И. Фомина, Н. Троцкого (совместно с М. Рейзманом и В. Ходовым), частично опубликованы. Заметно меньше внимания привлекал конкурс «на типы стандартных квартирных ячеек в каменных жилых домах и застройку участка земли в Выборгском районе Ленинграда», проведенный Комитетом содействия кооперативному рабочему строительству в ноябре 1927 – апреле 1928 года. Необходимость в его организации была вызвана опытом двух первых лет жилищного строительства, который не всегда оказывался удачным. Так, например, первая очередь строительства жилого массива завода «Большевик» (1926–1934. Г. Симонов, И. Безруков, Т. Каценеленбоген, планировка участка – Л. Тверской при участии Л. Акоповой) удостоилась резко отрицательных отзывов и за низкое качество самого строительства, и за внутреннюю планировку. Из 181 квартиры этого жилого массива сто были трехкомнатными, средняя рабочая семья не могла оплачивать такое жилье, в результате квартиры в новых домах заселялись несколькими семьями и превращались в коммунальные. «В маленьких кухнях толкотня, ссоры, дразни. Если бы строители думали головой и принимали во внимание бюджет рабочей семьи, они 85 % квартир должны бы построить в 2 комнаты», – писала газета Ленинградская правда².

Как отмечалось в конкурсной программе, «отсутствие определенных заданий и норм, рациональных типовых планировок и конструкций, технически и экономически обоснованных, вызывает многочисленные переделки проектов как в процессе их составления, так

и утверждения»³. Первоначально предполагалось, что главной задачей конкурса станет поиск наиболее экономичных типовых решений и для квартирных ячеек с прилегающими к ним лестничными узлами, и для планировки кварталов. Но в окончательный вариант конкурсного задания был включен конкретный участок на пересечении Кондратьевского и Полюстровского проспектов. Он был небольшим по площади, что исключало возможность разбивки его на типовые кварталы. Таким образом, значение конкурса в разработке стандартов для жилищного строительства изначально было ограничено проектированием типовых квартирных ячеек.

В конкурсе участвовали 40 проектов. Особой оценки за «исследовательский характер в области экономики жилищного строительства» удостоились проекты под девизами «Зеленый квадрат» (Г. Симонов, Т. Каценеленбоген, И. Безруков) и «Синий квадрат» (Г. Симонов, Т. Каценеленбоген, И. Безруков, С. Васильковский). Однако, как и в предыдущем конкурсе, жюри не было удовлетворено результатами: «материалы конкурса - только лишь этап в искании дальнейших путей типового рабочего жилища, каждый проект, взятый в отдельности, не дает законченного целого»⁴. Проектирование было передано Проектному бюро Стройкома, где под руководством Г. Симонова при участии И. Капцюга, Т. Каценеленбоген и Л. Тверского и был создан окончательный проект Кондратьевского жилого массива, осуществленный в 1929–1930.

Переустройство быта

Хотя размах жилищного строительства в Ленинграде во второй половине 1920-х нельзя сравнить со строительным бумом начала XX века, благодаря многочисленным льготам и поддержке, которую советское государство поначалу оказывало жилищной кооперации, в течение трех лет (1925–1928) многие крупные предприятия, промышленные тресты или профсоюзы приступили к сооружению жилья для своих рабочих⁵. В проекты жилых массивов обязательно включались обслуживающие и общественные помещения. В комплекс зданий Щемилловского жилого массива на Фарфоровской улице (1927–1929. Г. Симонов, Т. Каценеленбоген) и жилищно-строительного кооператива «Московско-Нарвский металлист» на проспекте Стачек (1927–1929. Т. Каценеленбоген, Г. Симонов, тот же проект использован как типовой при сооружении первой очереди Бабуриного жилмассива на Лесном проспекте) вошли механизированные прачечные. В жилом городке завода «Красный треугольник» на Старо-Петергофском проспекте (1927–1929. И. Лангбард) отдельное здание было отведено детскому саду.

Начиная с 1929 устройство в едином комплексе с жильем так называемой «общественной группы» (бани-прачечной, кооперативного магазина, яслей-детского сада, красного уголка, а иногда – библиотеки-читальни или зала для собраний) стало нормой. Характерные примеры таких комплексов – Кондратьевский жилой массив, жилые массивы завода «Красный треугольник»

Максим Липкин. Вид вестибюля и галереи Дома коммуны общества Политкаторжан. Рисунок. 1934. *Maksim Lipkin. Vestibül und Galerie im Kommunehaus des Verbands Politkatoržan. Zeichnung 1934.*

Дом коммуны общества Политкаторжан (1929–1933). Архитекторы Павел Абросимов, Григорий Симонов, Александр Хряков). Фото 1933. *Kommunehaus des Verbands Politkatoržan (1929–33. Architekten: Pavel Abrosimov, Grigorij Simonov, Aleksandr Chrjakov). Foto 1933.*

(1929. П. Гринберг) и Первой ГРЭС (1929, А. Ладинский, П. Гринберг) на Обводном канале, жилой массив Союза сотворгслужащих на Каменноостровском проспекте (1929–1930. Е. Левинсон, А. Соколов). Впрочем, комплексный подход к жилой застройке не всегда реализовывался на практике. Так, при осуществлении в 1929–1931 проекта Городка Текстильщиков на Лесном проспекте, разработанного С. Овсянниковым и Д. Ковчевым, были построены только жилые корпуса и отдельное здание котельной, а строительство детского сада и универсама-столовой отложили на вторую очередь и не возвели. Характерно, что во всех упомянутых выше жилых массивах проектировались индивидуальные жилые квартиры, но при этом часть помещений отводилась под общежития для одиночек и бездетных (бытовые коммуны).

По данным Экономико-статистического сектора Ленинградского совета, в январе 1931 в городе насчитыва-

Жилой массив на Батениной улице (1930–1933. Архитекторы Григорий Симонов, Тамара Каценеленбоген, Борис Рубаненко, Александр Соломонов, Павел Степанов, Валентина Жуковская). Фото 1933.

Siedlung in der Batenina-Ulica (1930–33. Architekten: Grigorij Simonov, Tamara Kacenenelbogen, Boris Rubanenko, Aleksandr Solomonov, Pavel Stepanov, Valentina Žukovskaja). Foto 1933.

Городок Текстильщиков (1929–1931. Архитекторы Дмитрий Ковчев, Сергей Овсянников). Фото 1935. „Städtchen der Textilarbeiter“ (1929–31. Architekten: Dmitrij Kovčev, Sergej Ovsjannikov), Foto 1935.

лись 103 бытовые коммуны с 13.434 взрослыми членами. Общественное движение за коллективизацию быта росло, что стало причиной для проведения в Ленинграде весной 1930 года конкурса на «проект коллективного жилищного комплекса, отвечающего современным стремлениям к социализации быта и раскрепощению женщины с учетом реальных возможностей в экономическом, хозяйственном и культурном отношениях при наилучших санитарных и технико-экономических показателях»⁶. Конкурс проводился с конкретной целью дальнейшей постройки опытного дома-коммуны в Ленинграде и проходил в два тура.

Программа первого тура основывалась на идее уничтожения семьи и традиционного домашнего быта. Предполагалось создание комплекса зданий так называемой 100-процентной бытовой коммуны. Опыт организации таких коммун в Ленинграде уже имелся. Так,

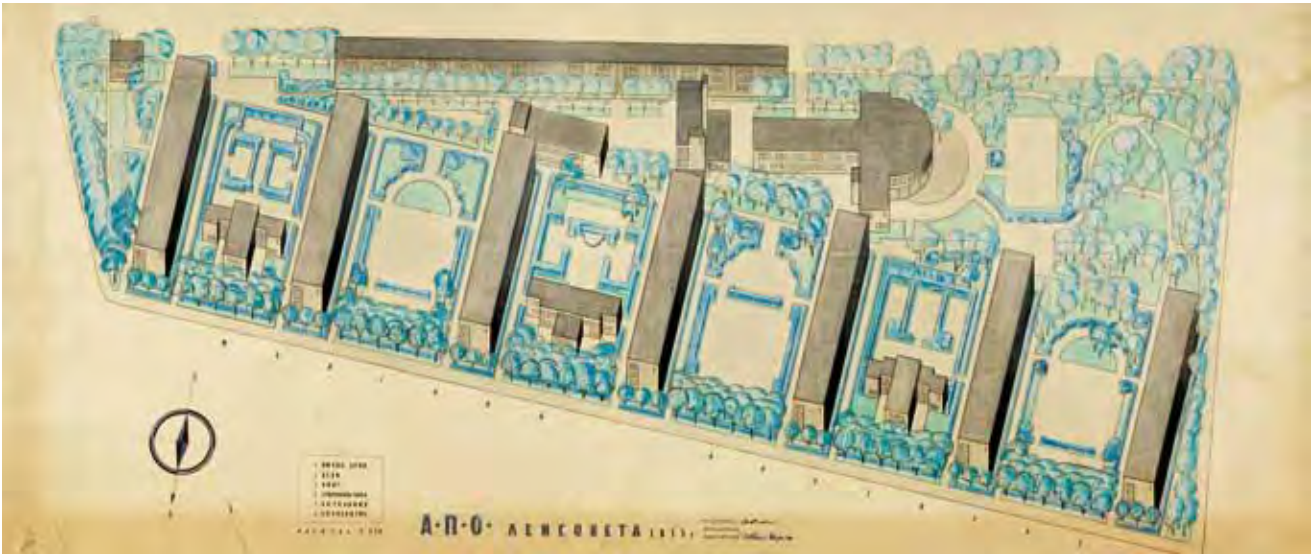
например, «Первая бытовая рабочая коммуна», которая была создана в октябре 1929 и располагалась в четырех квартирах обычного многоэтажного жилого дома была 100-процентной. Ее члены не имели ничего своего, даже денег. В личном пользовании оставались лишь зубные щетки, бритвы, полотенца. Как писала пресса: «в последнее время под влиянием разъяснений врача возникает вопрос, который еще не разрешен, о предоставлении права иметь каждому «свое» белье, так как этого требует элементарная гигиена и профилактика»⁷.

На первый тур было подано 30 проектов, которые были выставлены для всеобщего обозрения на выставке, проходившей сначала в Смольном, а затем – в Доме культуры Выборгского района. Там же 1 июля 1930 в присутствии 156 ленинградских рабочих и представителей общественности было устроено публичное обсуждение проектов и подведены окончательные итоги конкурса. Премии получили 10 проектов, в том числе – хранящийся в собрании музея истории Петербурга проект под девизом «Ответ Пию» К. Шеенкова и Д. Потапова. При проведении второго тура конкурса основные положения Программы были существенно пересмотрены на основании известного постановления ЦК ВКП (б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930, осудившего как «чрезвычайно вредные» попытки полного обобществления всех сторон быта, отделения детей от родителей и запрета индивидуального приготовления пищи. Для строительства Дома коммуны был выделен участок в Выборгском районе Ленинграда у железнодорожной станции Кушелевка. На второй тур было подано три проекта. Первая и вторая премии не присуждались. Проект под девизом «Смена» (Н. Баранов, А. Кривецкий, В. Нотес, Н. Чемоданов, М. Русаков, В. Романов) получил третью премию и был передан для переработки мастерской Г. Симонова. Строительство планировалось начать в 1931, но осуществлено оно не было.

На практике домов-коммун в Ленинграде не сооружали. Так называемые Первый дом-коммуна инженеров и писателей (1929–1931. А. Оль, К. Иванов, А. Ладинский) и Дом-коммуна общества Политкаторжан (1931–1933. П. Абросимов, Г. Симонов, А. Хряков) относятся к «домам переходного типа», где не было полной коллективизации быта, ломавшей институт семьи, но целый ряд хозяйственных и общественных функций обобществлялся (в квартирах, в частности, не было кухонь, в домах имелись общие столовые).

Эксперименты начала 1930-годов

В начале 1930-х на смену строительству небольших жилых массивов пришла практика проектирования нового типа застройки – жилых концентрационных центров на несколько тысяч, а иногда – десятков тысяч человек. В едином комплексе с жильем такие проекты предусматривали сооружение спортивных площадок и стадионов, школ, столовых, клубов, библиотек, магазинов, бань, прачечных, больниц, отделений почты, телеграфа и банка, а иногда даже хлебозаводов или кондитерских фабрик. На три года (1930–1933) в разных районах го-

*Генеральный план Крестовского жилмассива в Ленинграде. 1933.
Städtebauplan der Krestovskij Siedlung in Leningrad. 1933.*

рода были намечены несколько участков для такого образцового строительства, но реализованы эти планы были лишь частично. На острове Декабристов (проект Д. Бурьшкина, В. Жуковской, Ф. Мазель, Н. Рыбина) строительство даже не началось. У завода «Электросила» (проект Г. Симонова, Т. Каценеленбоген, Б. Рубаненко, М. Русакова) возвели отдельные жилые корпуса. Программа строительства на Батениной улице, где был сооружен Батенинский жилой массив (1930–1933. Г. Симонов, Т. Каценеленбоген, Б. Рубаненко, А. Соломонов, П. Степанов, В. Жуковская) была сокращена.

Главной целью укрупненного строительства была не только «социализация быта, обеспечивающей культурный рост рабочих масс», но и понижение стоимости застройки, переход к массовому типовому строительству. В марте 1931 в Ленинграде прошел конкурс на проект жилого дома, сооружаемого промышленными методами. Перед участниками была поставлена задача разработки принципиально новых строительных технологий: срок постройки здания не должен был превышать 35 дней; при строительстве необходимо было использовать стандартные элементы, а применение ручного труда сократить до минимума. В конкурсе участвовали семь проектов, из которых были выбраны три лучших – проект крупноблочного жилого дома (Матвеев, Д. Альперович), проект «Тахитектон» (И. Рянгин, Л. Серк) и проект «ЛДН» (В. Латынин, Б. Дмитриевский, Н. Носов). Для опытной реализации крупноблочного строительства был отведен участок у завода «Электросила» на Сызранской улице, для осуществления двух других проектов – Крестовский остров. В 1931–1936 годах здесь были построены и комплекс домов из серии ЛДН и «Тахитектон» (не сохранились).

В основу проекта «Тахитектон» («Быстрый строитель») был положен принцип литого строительства из бетона (укладка бетона в опалубку на месте постройки). Все работы осуществлялись передвижным заводом, состоявшим из нескольких цехов, которые один за другим передвигались по двум рельсовым путям, оставляя за

собой готовое здание. К числу интересных технологических экспериментов, осуществленных в Ленинграде, относятся также опыты строительства из литого шлакобетона в передвижной опалубке (жилые дома на Старо-Петергофском проспекте и Киевской улице, сооруженные в 1929–1930 по проекту Я. Блувшейна, А. Валевица, М. Савчука).

Попытки конструктивистов превратить архитектуру в носителя социальной справедливости, привели лишь к разочарованиям. В середине 1930-х годов в советской архитектуре утвердился социалистический реализм, что означало возвращение к традиционным стилям. На смену дешевому массовому жилью пришел новый тип зданий – так называемые «дома специалистов», которые строились по индивидуальным проектам и отличались повышенной комфортностью (Первый жилой дом Ленсовета на набережной реки Карповки (1931–1935. Е. Левинсон, И. Фомин при участии Н. Мухина, М. Плисецкого).

Крестовский жилмассив. Дома серии «ЛДН» (1931–1936. Архитекторы Всеволод Латынин Борис Дмитриевский, Николай Носов) и жилой дом «Тахитектон» (1932. Иван Рянгин). Фото 1933. Krestovskij Siedlung. Haus der Serie „LDN“ (1931–36. Architekten: Vsevolod Latynin, Boris Dmitrievskij, Nikolaj Nosov) und Wohnhaus „Tachitektion“ (1932. Ivan Rjangin). Foto 1933.

Давид Бурыйкин, Лев Тверской, Люси Акопова, Ольга Руднева, при участии Каценеленбогена. Конкурсный проект застройки многоквартирными домами участка Кондратьевского проспекта («Кондратьевский жилмассив»). 1928. Не реализован.

David Buryškin, Lev Tverskoj, Ljusi Akopova, Ol'ga Rudneva, unter Mitarbeit von Kacenenelbogen. Wettbewerbsentwurf für Geschosswohnbauten am Kondrat'evskij Prospekt („Kondrat'evskij Wohnmassiv“) 1928. Nicht realisiert.

Maria Makagonova: Wohnarchitektur des Leningrader Konstruktivismus – gebautes und grafisches Erbe

Die 1500 Blatt umfassende Sammlung von Architekturzeichnungen der Avantgardezeit im Leningrader Stadtmuseum vermittelt ein facettenreicheres Bild vom Leningrader Entwurfs- und Baugeschehen, insbesondere im Bereich Wohnungsbau. 1925 fand ein Wettbewerb für „neue Wohnhaustypen“ statt. Realisiert wurden allerdings mit den Siedlungen Traktornaja, Serafimovskij, Tkačej und Palevskij die direkt beim städtischen Planungsbüro Strojkom bzw. beim Verband der Wohnbaugenossenschaften in Auftrag gegebenen Entwürfe. Beim Wettbewerb für wirtschaftlichen Wohnungsbau am Kondrat'evskij Prospekt lobte die Jury 1928 zwei Beiträge des Teams Simonov/Kacenenelbogen/Bezrukov (Vasil'kovskij) für den „Forschungscharakter im Bereich Ökonomie“. Ein von Strojkom überarbeiteter Entwurf kam zur Ausführung (Simonov, Kapčjug, Kacenenelbogen, Tverskoj). Im Frühling 1930 war die Bauaufgabe „Kommunehaus“ Thema eines zweistufigen Realisierungswettbewerbs. Gebaut wurde das Kommunehaus jedoch nicht. Auch das realisierte Kommunehaus der Ingenieure und Schriftsteller und das des Verbands Politkatoržan sind keine richtigen Kommunehäuser, sondern Übergangstypen. In den Massenvohnungsbauprojekten stieg die Größe der neuen Siedlungen auf mehrere Tausend Bewohner, doch blieben die meisten Planungen auf dem Papier. Zum Beispiel entstanden im Gebiet Elektrosila nur ein paar Wohnzeilen. Im März 1931

waren Vorschläge für schnelle industrielle Baumethoden gefragt. Die drei prämierten Entwürfe wurden im Elektrosila-Viertel (Matveev/Al'perovič) und auf der Krestovskij Insel erprobt (Tachitekon von Rjanganj/Serk, „LDN“ von Latynin/Dmitrijevskij/Nosov, nicht erhalten). Mitte der 1930er Jahre rückte dann der Hausbau für Privilegierte in den Vordergrund, und der Traum, die Architektur zum Träger sozialer Gleichheit zu machen, ging zu Ende.

¹ По материалам публичной лекции, прочитанной 17 октября 2008 в институте ПРО АРТЕ

² Ленинградская правда 120/1928, стр. 4.

³ ЦГА НТД. ф. 102 оп. 3–1 д. 9507, л. 77.

⁴ Вопросы коммунального хозяйства 5/1928, стр. 21.

⁵ В 1924–1928 советским правительством была принята серия законодательных актов, направленных на поддержку кооперативного жилищного строительства. Государственным и кооперативным учреждениям, предприятиям и организациям, производившим рабочее жилищное строительство, а также союзам жилищной кооперации предоставлялись многочисленные льготы в приобретении и транспортировке строительных материалов. Для кредитования нового жилищного строительства был создан Банк коммунального хозяйства, предоставлявший жилищно-строительным кооперативам ссуды на 60 лет в размере 80–90 процентов стоимости домов. В середине 1930-х жилищная кооперация была свернута.

⁶ ЦГАНТД. ф. 192 оп. 3–1 д. 9799, л. 141.

⁷ М. Юльев: Ростки нового обобщественного быта // Вопросы коммунального хозяйства. 2/1930, стр. 35.